

Протоиерей

Александр Мень

Таинство,
Слово
и Образ

Александр Мень

**Таинство, Слово и Образ.
Православное богослужение**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

1987–1989

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Таинство, Слово и Образ. Православное богослужение /
А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени
Александра Менья», 1987–1989

ISBN 978-5-903612-10-9

Эта книга известного православного священника, современного писателя-богослова, протоиерея Александра Менья (1935–1990) знакомит читателя с обустройством храма, ходом богослужения, праздниками, церковными правилами и основами православной веры.

УДК 2
ББК 86

© Мень А., 1987–1989

ISBN 978-5-903612-10-9

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 1987–
1989

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава I	11
Колокола	11
Облик храма	12
План храма	17
Суточное богослужение	18
Устав и богослужebные книги	19
Облачения	20
Церковное пение и музыка	27
Глава II	28
Вечерня	29
Утренняя	32
Глава III	39
Проскомидия	44
Литургия оглашенных	51
Литургия верных. Анафора	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Протоиерей Александр Мень

Таинство, Слово и Образ

© М. А. Мень, текст, 2016

© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2016

* * *

Предисловие

Эту книгу протоиерея Александра Меня не нужно комментировать. Она сама выразительно комментирует себя, раскрывает нужную для многих тему.

Ее можно было бы назвать «Богослужбным катехизисом» – так внимательно автор касается всех сторон церковной молитвы, ведет читателя по всему кругу двухтысячелетних молитв Церкви Христовой, льющихся от человечества к Небу. Видно, как многого лишают себя те, которые не входят в эту волну общей молитвы и таинств веры, о которых говорит отец Александр.

Читателям его книги открывается возможность лучше понять вселенскую молитву Церкви и погрузиться в высокий мир ее символов и реальностей, ведущих нас от временного к вечности.

Мы все, люди, имеем дар касаться сердцем и умом очищающего нас чудесного Бытия, Царства Божия, – данного вере и любви. Отец Александр Мень избегает абстрактных терминов, он говорит кратко и просто, языком понятным и точным.

Это книга пастыря и – добавлю – доброго пастыря. Он дает душам не только общие учительные истины, но и вводит в реальность самого Божьего дела в мире и нашего дела – быть открытыми благодати. Пастырь Единый Господь Иисус Христос чрез Своих добрых пастырей укрепляет и утешает души, готовые принять Его.

Пусть слова этих страниц о служении человечества Богу – слова живые и нужные – упадут не при дорогах суеты, не в терния страстей и не на камень бесчувствия, но на благодатную землю живых сердец.

Архиепископ Иоанн Шаховской

Алтарь Сретенского храма в Новой Деревне, г. Пушкино

Введение

В отличие от всех других учений христианство зиждется не просто на системе взглядов или заветах своего Основателя, а на опыте постоянного живого общения с Ним Самим.

Христос сказал: «Я с вами во все дни до скончания века». Его приход в мир был высшей точкой диалога между Богом и людьми, встречей, которая стала непреходящей реальностью, ибо путь к ней открыт для каждого.

Господь обращается к душе человека как ее божественный Учитель, ее Друг и Возлюбленный. Его призыв и наш ответ есть тайна, зарождающаяся в сокровенных глубинах сердца.

Сам Христос учил о необходимости молиться в тиши уединения. Но в то же время Он обещал пребывать среди людей, если двое или трое собраны во имя Его. Он основал Свою Церковь как новый, небывалый вид человеческой общности, создал единство людей, живущих в Нем, в Его Духе, в Его *присутствии*. По слову апостола Павла, Церковь – это целостный организм, тело; глава его – Иисус Христос.

Краеугольный камень Церкви – вера, которая проявляется в любви. Без этой основы «церковность» мертва и сохраняет только внешнюю оболочку, как это некогда случилось с законниками-фарисеями...

Церковь не только организация или союз единоверцев, а – чудо, многообразное воплощение Духа Христова в человеческом роде. Истинная Церковь – это «народ Божий», призванный *свидетельствовать о Христе самым своим существованием*; это община, где Икупитель являет Себя миру. Его благодатной силой она живет и крепнет. Евангелие мы получили из рук Церкви, в ее таинствах обретаем дары Святого Духа и единение со Христом Спасителем, и в ее же сокровищнице нужно искать руководство для духовного «делания», для молитвы.

* * *

Храмовая молитва и таинства Церкви именуются обычно *богослужением*.

Само это слово на первый взгляд кажется странным. Может ли Бог, объемлющий всю тварь, нуждаться в человеческом служении?

Такая иллюзия действительно была присуща архаическим верованиям. Хотя мы в них находим и благоговение перед Высшим, и раскаяние, и желание приблизиться к Божеству, но вокруг этой чистой основы постепенно нарастала уродливая кора магии. В жертвах, в культе часто видели механический способ заслужить расположение таинственных сил, заставить их работать на себя. Считалось, что приношения нужны богам. Отсюда возник принцип магической религии: «Я дал Тебе – Ты дай мне». Люди были убеждены, что определенные ритуалы с естественной необходимостью должны доставлять желаемое.

Первый удар подобному взгляду был нанесен за несколько веков до Христа. В ту эпоху во многих странах цивилизованного мира появились пророки, философы и мудрецы, которые провозгласили бессмысленность и греховность магического подхода к богослужению. Они учили, что Небо ждет от людей прежде всего очищения сердца, ждет любви и нравственного подвига; культ же является только внешним символом *духовного служения*.

В Своей проповеди Христос окончательно утвердил эту истину. Он повторял слова Сущего, сказанные через древнего пророка: «Милосердия хочу, а не жертвы». Он упрекал иудейское духовенство и законников в том, что они свели высший религиозный долг к обрядам и уставам. Поэтому никакие соблазны и разделения, никакие периоды упадка не могли остановить поток подлинно христианской жизни. Как в Ветхом Завете всегда сохранялся некий

«остаток» тех, кто берег и умножал дары Божии, так и в новозаветной Церкви Господь не дает угаснуть светильнику, горящему во тьме.

* * *

Знаком присутствия Христа в Церкви являются мистерии-таинства, через которые вновь и вновь совершается единение человека с Богом. Участвуя в таинствах и общей молитве, христианин черпает в них силы для каждодневного служения. Приходя в «дом молитвы», в храм, он может хотя бы ненадолго отрешиться от обыденности, от суетности и шума жизни. Бытию Церкви Христовой мы приобщаемся не только чтением Евангелия, размышлением над догматическими символами, над трудами отцов, подвижников и богословов, не только стараясь согласовать свои поступки с заповедями Христа, но и находясь в атмосфере общинной молитвы.

Наша жизнь – от рождения до смерти – малый отрезок. Человек, который попытался бы отвергнуть опыт предшествующих поколений, вряд ли смог бы продвинуться в труде или знании. Это касается и веры. Пренебрегая многовековым наследием Церкви, опытом ее святых, учителей и мудрецов, христианин легко оказывается в плену субъективного мистицизма, смутных «религиозных переживаний», представляющих собой немалую опасность для души. Даже самая искренняя личная вера рискует остаться без опоры, если она не связана с прочным фундаментом подлинного церковного опыта. Только со смирением принимая путь *ученичества*, мы можем избежать как поверхностной рассудочности, так и лжемистической «прелести»¹. Не отрицая храмового богослужения, не упраздняя ритуалов, Господь учил, что важнейшее – это справедливость, милосердие и вера. Он дал пример непосредственной сыновней молитвы, которая дороже Отцу любых всесождений и жертв.

* * *

У некоторых может возникнуть естественный вопрос: почему Церковь, исповедуя религию «духа и истины», все-таки сохранила культ? Не лучше ли было совсем отказаться от него, отбросив даже само слово «богослужение»? Не достаточно ли носить Бога в сердце и стремиться исполнять Его волю в повседневной жизни?

Рассуждающие так забывают, что человек – существо не только духовное, что дух в нем теснейшим образом связан с душевной и телесной жизнью. Именно поэтому дух ищет своего воплощения. Любовь и ненависть, радость и горе, одобрение и восхищение – разве не проявляются они в жестах, в своего рода «ритуальных» действиях? Возглас, рукопожатие, поцелуй, положение тела, мимика лица выражают наше внутреннее состояние.

Слово «обряд» происходит от слова «обрядить», «облечь». И в таком смысле обряд пронизывает жизнь человека.

Известный православный мыслитель о. П. Флоренский утверждал, что культ есть гармонизация, одухотворение наших чувств, аффектов. «Если вступить на путь борьбы с аффектами, – пишет он, – то придется в корне отринуть самую природу человека... Вступить в борьбу с аффектами значит одно из двух: если она неуспешна – отравить человечество “загнанными внутрь страстями”, если же удачна – оскотить и умертвить человечество, лишив его жизненности, силы и, наконец, – и жизни самой. Культ действует иначе; он утверждает *всю* (курсив – А.М.) человеческую природу со всеми ее аффектами; он доводит каждый аффект до его наи-

¹ От славянского слова «лесть» (обман).

большого размаха, – открывая ему беспредельный простор выхода; он приводит его к благодетельному кризису, очищая и целя»².

Вот почему мы не имеем права отказываться от христианских обрядов, от храмового искусства.

Слова молитв, гимны благодарения и покаяния, которые вылились из глубины сердца великих поэтов, мистиков, святых, боговидцев, драгоценны для нас.

Вживание в них есть школа души. Оно воспитывает нас, просветляет и возвышает. Но в храме не только слово служит средством для этого просветления и очищения, но и образ: икона, мелодия, ритуальный жест, архитектура храма. Флоренский недаром назвал церковное действо «синтезом искусств». В своей полноте оно обращено ко всем сторонам человеческой личности.

Но если такова роль храма, стоит ли изгонять сам термин «богослужение»? Ведь мы «служим» Творцу, свободно отдавая себя Ему, посвящая себя Его замыслам, соучаствуя в их осуществлении. Духовный рост человека есть его труд ради Царства Божия, а поскольку храм и таинства содействуют этому, мы можем с полным правом пользоваться словом «богослужение», помня лишь, что в широком смысле оно распространяется на множество других проявлений христианской жизни. Для всякого, кто размышлял над Евангелием, ясно, что быть христианином не значит просто ходить в церковь...

В связи с этим уместно напомнить слова видного современного литургиста прот. Александра Шмемана. Указывая на «литургический кризис» Византии, он пишет: «Став “культурным обществом”, существующим в культе и ради культа, церковное общество разучилось понимать, что, будучи выражением, созиданием и восполнением Церкви, богослужение всегда полагает Церковь перед лицом *мира*, являет ее назначение в мире: народа Божьего, оставленного в мире с Евангелием и *миссией*. Богослужение, перестав быть *выражением* Церкви, перестало быть и выражением Церкви по отношению к миру: как закваски, призванной поднять все смешение, как любви Божией, к миру обращенной, как свидетельства о Царстве Божием, как благой вести о спасении и о новой жизни»³.

* * *

В церковном культе необходимо отличать форму, образ от сакраментального ядра. Как уже было сказано, обряд одевает таинства в ризы «священного искусства», он есть воплощение вечного в земном творчестве.

Это отнюдь не может быть аргументом в пользу обрядоверия, для которого культ – застывшая реликвия. Богослужение живет и развивается вместе с жизнью самой Церкви. Создаются новые обычаи и обряды, некоторые навсегда уходят в прошлое, другие неузнаваемо меняются. Забегая вперед, укажем хотя бы на то, что чин Литургии в его *современной* форме сложился не в апостольскую эпоху, а несколько веков спустя; еще позднее возникли праздники, посты, песнопения, богослужебные одежды и т. д.⁴ Такой процесс изменений вполне органичен и закономерен. Вспомним еще раз евангельский образ дерева. Те, кто хотел бы зачеркнуть все приобретенное в Церкви на протяжении столетий, уподобились бы людям, требующим, чтобы дерево вновь стало зерном, из которого оно выросло.

Кроме того, типы богослужебного обряда во многом зависят от традиций национальной культуры. Так, в Центральной Африке Литургия совершается под звуки тамтамов, в Эфиопии

² Свящ. П. Флоренский. Из богословского наследия. – Богословские Труды. Сб. 17. М., 1977, с. 137.

³ Прот. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие. Париж. YMCA, 1961, с. 40.

⁴ См.: Н. Д. Успенский. Анафора. – Богословские Труды. Сб. 13. М., 1975.

сохранился ритуальный танец епископов, современное церковное искусство Запада мало напоминает искусство раннехристианское или готическое.

В предлагаемом кратком очерке мы будем говорить только о богослужении Восточной Церкви, которое сложилось в Византии и распространилось на Грузию, Россию, Болгарию, Сербию и некоторые другие страны⁵. За свою историю оно претерпело много изменений; мы рассмотрим его в том виде, как оно существует сегодня в православных храмах.

Изучением корней и истории богослужения занимается специальная наука – литургика. Она тесно связана с историей Церкви, религиозной поэзии, искусства и культурных традиций христианства (см. Краткую библиографию на с. 233). Предлагаемая же книга написана для «новоначальных». Цель автора – помочь им полюбить храм, понять смысл Литургии, оценить красоту священнодействий и сделать церковную молитву частью своей жизни.

Церковь св. Екатерины в Салониках

⁵ Краткий обзор особенностей западного богослужения можно найти в кн.: J. G. Davies. A Dictionary of Liturgy and Worship. London, 1972.

Глава I «Дом народа Божия»

Колокола

Мы приближаемся к храму. Еще издали слышны звуки благовеста. Воздух как бы наполнен голосом большого колокола, к которому вскоре присоединяется перезвон других колоколов.

Это не просто «гонг», созывающий людей в церковь, а мелодия, одухотворяющая окрестности храма, напоминающая о молитве тем, кто занят трудом или находится в пути, кто погружен в монотонность будней. Большой смысл заключен в названии «благовест», ибо колокольный звон – своего рода музыкальная проповедь, вынесенная за порог церкви; он возвещает о вере, о жизни, пронизанной ее светом, он будит уснувшую совесть. Недаром у Гете перекличка пасхальных колоколов заставила Фауста отбросить кубок с ядом...

Впервые колокола появились в V или VI веке на Западе, а в Византию проникли только в IX столетии (прежде их заменяли *била*). Постепенно возникли большие наборы колоколов, для которых стали строить специальные звонницы и колокольни. С помощью этих наборов можно было исполнять сложные музыкальные произведения. Многие города славились собственными стилями звона.

В Средние века колокола окружал ореол таинственности, их «крестили» святой водой, давали имена. Самые крупные колокола были отлиты в России. Секрет их изготовления передавался мастерами из поколения в поколение.

Теперь уже немногие помнят время, когда вечерами над Москвой гудел многоголосый хор колоколов. Настоящий звон сохранился лишь в отдельных местах, например, в Новодевичьем монастыре, Троице-Сергиевой лавре, в закрытых храмах Ростова. Его музыкальное эхо можно услышать в операх Глинки или Мусоргского.

Облик храма

Храмы с древнейших времен составляли неотъемлемую часть панорамы города. Как невозможно себе представить Афины без Парфенона или древний Рим без Капитолия, так трудно было бы вообразить Париж без Нотр-Дам, Лондон без Вестминстерского аббатства, а Москву без кремлевских соборов. Храм в городе – это пророк, говорящий о вечности, чей зов раздается среди шума современной цивилизации.

Совсем иное звучание приобретает силуэт церкви где-нибудь на холме, в окружении деревьев. Здесь гимн человека во славу Творца как бы сливается с гимном самого мироздания. Сельские храмы не выглядят сурово. Они овеяны той же умиротворенной красотой, что и окружающий пейзаж. Достаточно вспомнить церковь Покрова на Нерли, которая, словно сказочная невеста, смотрится в воды среди притихших полей.

* * *

Облик христианского храма создавался веками, приобретая в каждой стране и в каждую эпоху свой неповторимый характер⁶.

Во дни гонений христиане сходились для молитвы и совершения Литургии в частных домах или в подземных усыпальницах – *катакомбах*.

Продолговатый стол, за которым верующие тех времен возлежали за братской трапезой, постепенно был заменен гробницей мученика. Саркофаг с горящими на нем свечами стал прообразом алтаря западнохристианского стиля.

Обычай совершать таинство «преломления хлеба» над могилой страдальцев за веру как бы утверждал правоту Тертуллиана, говорившего: «Кровь мучеников – семя христиан».

В катакомбах родилось христианское искусство. Образцом для него послужила роспись иудейских молитвенных домов (синагог), поскольку христиане первого поколения были тесно связаны с ветхозаветной традицией. Синагоги и усыпальницы еврейского народа украшались в то время фресками и мозаиками, среди которых были не только орнаменты и символы, но и сцены из Священной истории⁷. Искусство катакомб свидетельствует о том, что Церковь всегда принимала и благословляла жизнь. На стенах первохристианских храмов мы видим изображения птиц, плодов, цветочных гирлянд. Символика этих ранних фресок навеяна образами Нового Завета (Добрый Пастырь, виноград, рыбы, агнец, корабль).

* * *

Дохристианские храмы считались обиталищем божеств. Обычно люди молились и приносили жертвы во дворе, перед входными воротами. Внутри же допускались только служители. Это правило было соблюдено и в Иерусалимском Храме.

Но после того как «Слово стало плотью и *обитало с нами*» (Ин. 1, 14), понятие о храме для христиан должно было измениться. Он стал местом, где вокруг вечно пребывающей Святыни собираются люди, народ Божий, Церковь (отсюда и его наименование – «церковь»).

Исторически христианский храм был преемником синагоги, служившей «домом собрания», местом молитвы, проповеди и чтения Слова Божия.

⁶ См.: Н. А. Дмитриева. Краткая история искусств. Вып. 1. М., 1968, с. 117 сл.

⁷ См.: журнал «Bible et Terre Sainte», 1966, 83; 1967, 88.

Первые христианские храмы строились по принципу римских общественных зданий – *базилик*. Они представляли собой прямоугольные постройки с рядами колонн, разделяющих помещение на «нефы», или «корабли». Все здание должно было символизировать корабль Града Божия, плывущий по волнам истории. Наружному декору базилики уделялось мало внимания, зато внутри ее украшали мрамором и мозаикой.

Эту же черту – художественное богатство интерьера при весьма скромном, даже суровом внешнем виде храма – сохранило и византийское искусство. Но в Византии идея «корабля», «дома собрания» дополнилась идеей космоса, которая присутствовала еще в убранстве ветхозаветного Храма. Таким образом византийская архитектура соединила в себе два начала, в Ветхом Завете *разделенные*. Там параллельно существовали Храм как «Дом Божий» и синагога как «дом собрания». Церковь Нового Завета создала синтез того и другого, о чем ясно свидетельствует византийский храм. Он предназначен для народа и одновременно является своего рода «космическим ковчегом» для пребывающего в нем Творца. Храм стал символом одухотворенного мира, прообразом грядущего обожения Вселенной. Купол, означающий «твердь небесную», образ Вседержителя, лики ангелов и святых, евангельские сюжеты – все это соединялось в единую симфонию: Бог, царства Неба и земли, Священная история.

В Византии сложилось искусство *иконописи*, целого мира образов, подчиненного собственным законам. Его истоки связаны с Малой Азией, Египтом, Парфией. Икона почти не зависит от классической античности. В отличие от натурализма греко-римской живописи она говорит на условном языке символов. Чистые краски, певучие линии, необычная перспектива и композиция рождали у созерцающего икону особое состояние. Он приобщался к вечной красоте, к реальности, открытой мистическому взору.

Из Византии иконопись пришла в Болгарию, Румынию, Сербию, но высочайшего расцвета достигла на Руси. Правда, с XVII века это поразительное искусство пришло в упадок, и только наше столетие как бы заново открыло его художественную и духовную ценность.

Космическая символика храма получила свое развитие и на Западе – в романском и особенно готическом искусстве. Готика одела храмы каменными кружевами, в которые вплетено все многообразие творений: люди и духи, растения и драконы, аллегории страстей и добродетелей; витражи наполняли храм радугой цветов, а устремленные ввысь линии окон, порталов и башен словно возносили всю эту мощную симфонию к небу.

Начиная с Нового времени идея космоса уступает место старой идее «дома собрания». Но барокко и другие стили, порожденные Ренессансом, внесли в церкви тяжелую пышность, характерную для гражданской архитектуры. Во второй половине XIX века предпринимались попытки вернуться к средневековым формам. Возникли их имитации, чаще всего малоудачные. Тогда же зародилось искусство церковного модерна. В настоящее время в храмах западной культуры полностью восторжествовало понимание церкви прежде всего как места, где собирается для молитвы община верных.

* * *

Древнерусский храм был развитием византийского с его центрическим купольным построением, которое имело в плане священные фигуры круга, прямоугольника и креста.

Если киевская София была еще вполне «греческой», то с XII века церкви Руси приобретают самобытный характер.

Софийский собор. Киев (XI в.)

Троицкая (Духовская) церковь. Троице-Сергиева Лавра (XV в.)

Покровская церковь. Кижы (XVIII в.)

Церковь св. Николая. Ницца (XIX в.)

Сравнительно небольшой одноглавый древнерусский храм XII–XV веков отличался изяществом и строгостью внешнего облика. Возвышаясь среди деревянных домов, словно конный витязь среди пеших дружинников, он невольно напоминал, что каждый христианин – воин духа.

Внутри такого храма, как и в Византии, изображали все бытие, Вселенную, человека и историю его спасения. Так же глядел с вышины строгий лик Вседержителя, так же предстояли Ему сонмы святых и бесплотных сил. На четырех сторонах центрального свода писали четырех евангелистов. По стенам разворачивались картины библейских и церковных событий, а на западной стене в огромной многоплановой композиции нередко находилась фреска Страшного суда. Свою включенность в Церковь, видимую и невидимую, молящийся ощущал, едва переступив порог храма.

По-другому выглядели многоглавые соборы XVII века с их галереями, приделами, нарядной изукрашенностью. Здесь, как и в готике, идея соборности, единства мироздания была воплощена в праздничной декоративности, вынесенной наружу⁸.

Пережив вместе с Западом кризис барокко и ампира, русские церковные архитекторы обратились к Средним векам в поисках вдохновения. Стали сооружаться многочисленные храмы в неовизантийском и неорусском стиле. Незадолго до революции появились и церкви, которые соединяли средневековые формы с модерном.

⁸ Следует заметить, что наружная отделка появляется еще в храмах XII века (например, Дмитриевский собор во Владимире).

План храма

Еще в некоторых ветхозаветных общинах (например, у ессеев, живших в Египте) существовал обычай молиться, обратившись к востоку. Обычай этот усвоен и христианами.

С очень ранних времен стало принято совершать крещение, стоя лицом к востоку. Когда же возникли первые церкви, их стали ориентировать алтарем к востоку. Такое правило сохранилось и поныне.

Внутренний план христианского храма имеет, как мы уже говорили, два источника в Ветхом Завете. Подобно Храму Иерусалимскому, который делился на Святая Святых (евр. *Девир*), святилище и притвор, все церковные здания делятся на алтарное пространство, которое занимает полукруглую апсиду, где помещаются *алтарь* и «горнее место» для епископа, сам храм, или место для молящихся, и притвор, где в древности стояли неофиты, ожидавшие крещения. По образцу синагог храм имеет амвон.

Алтарь, или престол, имеет в православных храмах кубическую форму (библейский символ «вселенскости»). Позади него находится семисвечник. Многие века алтарное пространство оставалось открытым (как и теперь на Западе). Его отделяла лишь низкая каменная ограда. В период между IV и VII веками на этой ограде начали сооружать колонны, к ним крепилась «завеса», которую после службы задергивали. В эпоху победы над иконоборцами вверху и между колоннами стали помещать иконы Христа и Богоматери. Постепенно к ним прибавились другие. В Древней Руси возник второй ряд икон, а с XIV–XV веков появилось еще несколько рядов. Таким образом образовалась стена, именуемая *иконостасом* и доходящая почти до потолка. Подобные иконостасы в известной степени повторяли роспись алтарной апсиды, скрытой от молящихся.

Царские врата, расположенные перед алтарем, первоначально представляли собой низкие створки, которые не загромождали престол и священника от молящихся. Позднее они превратились в настоящие «ворота». Во многих храмах они наглухо изолируют алтарь от молящихся. Справа и слева от царских врат находятся северные и южные двери.

Амвон, то есть возвышение для чтеца, предстоятеля, проповедника, был известен еще в синагогах. В христианских храмах он находился посередине. Впоследствии на Западе его заменила «кафедра» сбоку от алтаря, а на Востоке амвоном стала служить центральная часть *солеи* – возвышения, непосредственно примыкающего к иконостасу. О старых амвонах напоминают теперь лишь «кафедры», которые ставят в центре храма при служении епископа.

Обыкновение называть церковь в честь какого-нибудь святого ведет свое начало с эпохи гонений, когда под алтарем находился саркофаг мученика. Позднее храмы строились не только во имя святого, но и во имя Христа Спасителя или в воспоминание праздника (Рождества, Воскресения, Покрова и т. д.).

Войдя в любую церковь, легко узнать, кому она посвящена, поскольку «храмовая» икона обычно помещается в особом киоте справа.

Когда к церкви пристраивали («придelyвали») дополнительное помещение с алтарем, его называли *приделом*. Необходимость в приделах возникла в связи с восточным обычаем служить на одном престоле только одну Литургию в течение суток. Дополнительный придел позволял совершать служение дважды.

Суточное богослужение

Основой христианского богослужения с самого начала была *Евхаристия* (греч. «благодарение»). Впервые совершил ее Сам Христос Спаситель на Тайной Вечери. В священную трапезу ветхозаветной Церкви Он вложил новый дух и смысл. Вечеря благодарственной молитвы и соединения верующих стала для христианства Трапезой Господней, Новым Заветом со Христом. Евангелисты передают нам только те моменты Вечери, которые несут в себе новую тайну Богоприсутствия. Общий же ее порядок известен из иудейских источников. В нее входили славословия, чтение псалмов и отрывков из Библии. Все это осталось и в христианской Литургии. В ней сохранились также элементы синагогального чинопоследования⁹.

Литургии предшествуют: 1) *вечерня*, 2) *утреня* и 3) *часы*¹⁰. Их происхождение связано с Ветхим Заветом и раннехристианскими обычаями. Издавна считалось, что высшей молитвой является молитва непрестанная, то есть жизнь в постоянном общении с Богом. В знак этого огонь на жертвеннике не должен был гаснуть никогда. В Писании мы часто встречаем образ постоянной молитвы (например, Откр. 4, 8). Благочестивые иудеи возносили славословие Богу три раза: утром, в полдень и вечером. В конце I века в христианской Церкви уже прочно утвердился обычай «молиться три раза в день»¹¹. Из этих молитвословий возникло последование «часов»: третьего, шестого и девятого. Нередки в древней Церкви были и ночные молитвы. Св. Ипполит Римский писал: «Глубокой ночью поднимись со своего ложа и молись. Древние передали нам этот обычай. В этот час весь мир отдыхает, благословляя Бога. Звезды, и деревья, и воды тихи. Все воинство ангельское вместе с душами праведных совершает свое служение. Поэтому все, кто верует, молитесь в этот час»¹². Из ночных служб в канун Рождества и Пасхи родилось *всенощное бдение*, продолжавшееся до утра. В современной практике бдение предшествует Литургии. Оно перенесено на вечер, объем его сокращен, совершают его под праздники и воскресные дни.

⁹ См.: Л. Буйе. О Библии и Евангелии. Брюссель, «Жизнь с Богом», 1965, с. 224 сл.; прот. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие, с. 67; Н. Д. Успенский. Анафора, с. 45 сл.

¹⁰ Обычай вести отсчет суточного времени от вечера пришел из глубины веков, из раннебиблейских времен, когда пастух начинал свой трудовой день с заходом солнца.

¹¹ Учение XII апостолов, VIII.

¹² Св. Ипполит Римский. Апостольское Предание, 35.

Устав и богослужебные книги

Текст Литургии, вечерни и утрени содержится в книге, называемой *Служебник*. Правила для ведения служб в соответствии с праздниками и днями недели были выработаны в Палестине (V–VI века). Этот *Типикон*, или Устав, пришел к нам из иерусалимского монастыря св. Саввы.

Особые молитвы и песнопения, сложенные в честь каждого праздника и святого, составляют двенадцать *Миней*, или Месячников, соответствующих месяцам года. *Общая Минея* содержит извлечения из месячных Миней, приспособленные к тем праздникам святых, для которых не написано специальных текстов. Существует круг молитв по дням недели, записанный в книге *Октоих* («Восьмеричник»). Наименование связано с тем, что недельный цикл повторен в Октоихе восемь раз – для восьми *гласов* (мелодий).

Собрание псалмов и молитв, предназначенных для первого, третьего, шестого и девятого часа, называется *Часословом*. В храме употребляется также *Следованная Псалтирь*, помимо библейского текста содержащая и богослужебные указания. О книгах, именуемых *Триодями*, мы скажем позднее, когда обратимся к годовому кругу Церкви.

Кто был автором богослужебных текстов? Немалая часть их заимствована из Библии, преимущественно из Псалмов. Те тексты, что взяты из Евангелий («Песнь Богородицы», «Ныне отпускаеши»), были первоначально гимнами Иерусалимской Церкви. Ряд молитв составлен безымянными авторами первых веков, а некоторые – прославленными отцами и учителями христианства. Среди них – св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Амвросий Медиоланский, св. Иоанн Златоуст, прп. Ефрем Сирии, св. Иоанн Дамаскин, св. Роман Сладкопевец и другие¹³.

Русская Церковь получила богослужение (как и Библию) на *церковнославянском* языке. В течение многих веков он мало отличался от языка разговорного и поэтому был понятен молящимся. Но после петровской реформы церковнославянский в богослужении не был заменен русским. Его величавая лаконичность и выразительность как нельзя более соответствовали духу молитвы и священнодействия. Однако трудности в его понимании значительно возросли, и еще в первые годы XX века была начата работа над текстами с тем, чтобы приблизить их к русскому языку.

В Западной Церкви, где богослужение прежде шло на латинском, теперь используют национальные языки.

В богослужебных книгах мы нередко встречаемся с подлинными сокровищами религиозной поэзии и мысли.

¹³ Немало текстов принадлежит и светским лицам, в частности византийским императорам.

Облачения

В ранней Церкви не было специальных культовых одежд. Исключение составлял *талит*, кусок материи, которым в иерусалимской общине, молясь, покрывали плечи и голову. Со временем возникла потребность в облачениях, отвечающих торжественности момента. Надевая их, служитель должен был отрешиться от всего будничного, осознать себя предстоящим Богу.

Современные церковные одеяния восходят к трем видам античных одежд: длинной тунике, или хитону, походному плащу – фелони и ленте, которую носили в праздничные дни как знак достоинства¹⁴.

Диакон

¹⁴ Внебогослужебная одежда русского духовенства состоит из «полукафтаны», или *подряшника*, и *рясы*. Полукафтаны в допетровское время было «мирским» платьем, точно так же как и ряса, имеет покрой повседневной одежды, носимой на Востоке. Обычай носить длинные волосы появился у клириков Русской Церкви недавно. Ни в древности, ни в Средние века его не существовало, как об этом свидетельствует иконография.

Священник

Стихарь

Епитрахиль и пояс

Орарь и поручи

Митра

Епископ

Монах

Панагия

Митрополит

Орлец

Туника, надеваемая диаконом, получила название *стихаря*, у священника и епископа это *подризник*.

Фелонь в древнем Риме сшивалась в виде колокола, без рукавов, и служила основной одеждой путников (2 Тим 4, 13). Нося ее, служитель Церкви хранит память о тех временах, когда проповедники Слова Божия странствовали от общины к общине. В фелонь (поверх туники) облачались как священники, так и епископы, но с XV века у архиереев она была заменена *саккосом* (родом стихаря).

Вышитая или цветная лента употребляется в каждой из трех степеней священства. Диакон носит ее, как носили в древнем Риме, – через плечо, тогда она называется *орарем*¹⁵. У священника она спускается обоими концами на грудь и скрепляется. В такой форме ее называют *эпитрахилью*¹⁶. И, наконец, у епископа она лежит на плечах, одним концом спускаясь на грудь, другим – на спину. Этот знак епископского сана называется *омофором*¹⁷. И орарь, и епитрахиль, и омофор имеют на себе изображения крестов.

Существуют и другие, второстепенные элементы облачения (пояс, палица, набедренник, поручи), которые первоначально были нужны для удобства, а позднее им придали символический смысл.

Головные уборы духовенства возникли на основе двух головных уборов, бытовавших в Палестине: *кефье* (платка, скрепленного шерстяной повязкой) и *тюбана* (греч. «митра»). Кефье превратилось в *скуфью*, закругленную шапочку. Когда она делалась из верблюжьей шерсти, то называлась *камилавкой* (от евр. *гамаль* – верблюд). Твердая форма камилавки появилась в Греции в эпоху турецкого владычества, когда в ходу стали «фески». У монахов в Греции и в России долгое время сохранялся «кефейный» тип головного убора (*куколь*).

Митру, прототипом которой был *тюбан*, носят епископы, а также архимандриты и заслуженные протоиереи. В своей первоначальной форме *тюбан* удержался только в древневосточных церквах.

¹⁵ От лат. *ораре* – молиться. Орарем диакон подает знак к началу молитвы.

¹⁶ Греч. *эпитрахелион* – нашейник.

¹⁷ Греч. *омофорион* – наплечник.

Церковное пение и музыка

Блаженный Августин говорил, что в музыке и пении человек может излить восторг и полет души. Мелодия дает простор тому, что не уместается в границах слов. Вот почему религиозная жизнь во все века искала музыкального выражения¹⁸.

Ветхозаветные пророки пели под звуки струнных инструментов; оркестры и хоры Храма были неотъемлемой частью богослужения. Указания на них можно найти почти на каждой странице Псалтири.

Синагогальное пение состояло в «кантиляции»: ведущий произносил текст псалмодически, нараспев, украшая речитатив музыкальными узорами. Эти восточные мелодии легли в основу церковных песнопений классической эпохи. Влияние Востока закрепилось тем, что выдающиеся композиторы IV–VIII веков – святые Ефрем Сирин, Роман Сладкопевец и Иоанн Дамаскин – были родом из Сирии и широко пользовались народной музыкой своей родины.

Григорианские хоралы латинян, как и расшифрованные недавно византийские напевы, отличаются ярко выраженным восточным характером. Это протяжное, унисонное пение мало похоже на то, что звучит сегодня в русских храмах.

На Западе св. Амвросий (IV век) ввел антифонное пение (на два хора) по образцу Иерусалимского Храма и положил начало системе восьми «гласов». Унификацию латинского пения провел папа св. Григорий Великий (VI век), по имени которого названы католические хоралы.

Немалый вклад в музыкальную культуру Церкви внесли монастыри Византии, Руси и Болгарии. Особенно велика была роль знаменитого подвижника Феодора Студита (XI век), оставившего богатое наследие «распевов».

Большинство гимнотворцев Востока и Запада опирались на традицию Иерусалима, а также на народную песенную культуру своих стран: Греции, Италии, Сирии, Армении, Эфиопии. Индивидуальное творчество в церковной музыке расцвело лишь на исходе Средних веков. Крупнейшим католическим композитором XVI века был Палестрина (Джованни Пьерлуиджи), написавший сопровождение для Литургии (несколько десятков вариантов). Среди протестантов той эпохи особенно выделялся Генрих Шютц. Впоследствии многие композиторы – от Баха, Моцарта, Бетховена и Листа до Бриттена и Пендерецкого – создавали богослужебную музыку.

В России индивидуальное музыкальное творчество получило широкое распространение начиная с XVII века. В XIX и XX веках для храма писали Глинка, Чайковский, Рахманинов, Стравинский, но существовала плеяда композиторов, целиком посвятивших себя литургической музыке (Ведель, Бортнянский, Гречанинов и др.).

В настоящее время старинные распевы, которые были записаны крюковыми нотами, привлекают все большее внимание. Расшифровка их привела к подлинному возрождению музыки, сложившейся в монастырях Афона и Древней Руси.

Первый орган был привезен на Запад из Византии (в VIII веке), но в самой Восточной Церкви инструментальное сопровождение храмового пения не прижилось. Тем не менее в принципе употребление музыкальных инструментов в церкви не противоречит православию. Ведь именно Библия призывает нас: «Хвалите Его на струнах и органах». Перед революцией была сделана попытка пропагандировать введение инструментальной музыки в богослужение, но отклика она не имела.

¹⁸ См.: Р. И. Грубер. Всеобщая история музыки. Т. I. М., 1960; А. И. Рогов. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. М., 1973.

Глава II

Вечер в храме

Для того, кто хочет накануне воскресной Литургии подготовиться к ней молитвой, двери храма, по крайней мере в городах, вечером открыты. Прошла неделя с ее заботами и трудами, печалью и радостями; настал час оглянуться назад, собраться с мыслями, побыть в сосредоточенности перед лицом Божиим, испытать совесть, углубиться в размышление и молитву.

Вечернее время сама Библия рекомендует как благоприятное для молитвенного предстояние. На ветхозаветном алтаре приносилась жертва, а служители при заходе солнца зажигали светильники – знак души, горящей огнем веры (Исх 30,8). После разрушения Храма этот обычай остался в домашней молитве иудеев и был усвоен новозаветной Церковью. Когда зажигали свечи или лампы, в христианских домах читалось «светильничное благодарение»¹⁹.

Так было положено начало церковной *вечерне*.

Ее последование посвящалось Христу как «Свету мира»²⁰. Вечерня состояла из библейских псалмов и трех гимнов древней Церкви. В общих чертах такой порядок удержался до наших дней.

¹⁹ См. указания на это писателей III в. в кн.: Н. Д. Успенский. Православная вечерня. – Богословские Труды. Сб. 1. М., 1960, с. 8 сл.

²⁰ См.: Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. II. СПб., 1857.

Вечерня

В конце XVIII века русский архиепископ Вениамин (Румовский-Краснопевков) обратил внимание на то, что структуру вечерни можно рассматривать в свете Истории Спасения – от создания мира до явления Христа²¹. И в самом деле, вечерня начинается 103-м псалмом, который прославляет Бога-Творца: «Благослови, душе моя, Господа!.. Господи, Боже мой, возвеличился еси зело...» Монументальный, торжественный, он всем своим строем как бы передает дыхание природы, ее многообразие. Здесь все: и мировой огонь – служитель Предвечного, и ветры, и горы, и животные в лесах, и, наконец, человек, выходящий утром «на дело свое»... Основное чувство псалма – благодарность и восхищение души, созерцающей величие тварного мира. Библейский поэт говорит не только о безмерном, подавляющем воображение, его взгляд останавливается и на птицах, гнездящихся в зелени кедров, и на зверьках, скрывающихся среди камней. Он знает, что даже самое неприметное и малое в мире таит великие чудеса: «Вся премудростию сотворил еси!»

Недаром 103-й псалом вдохновлял поэтов разных времен и народов. Известно, например, его переложение, написанное Ломоносовым; мотивы этого псалма можно найти в знаменитой оде Державина «Бог» и в Прологе «Фауста».

За обычной вечерней псалом читается, а когда его поют (в извлечениях) накануне воскресного дня или праздника, то открываются царские врата. Служащий обходит весь храм с кадильницей, и храм наполняется благоуханием ладана.

Вслед за тем царские врата закрываются. Архиепископ Вениамин считал это символом Грехопадения, когда между человеком и Богом возникла преграда. Люди, возмечтавшие «быть как боги», оказались во тьме и, осознав свое отступничество, взывают к Творцу о помощи...

Призывом диакона (или священника): «Миром Господу помолимся!» – открывается *великая ектения*²². Это молитва о «мире всего мира», о «соединении всех», о Церкви, о родной стране, о «временах мирных», о плавающих, путешествующих, страждущих, недугующих, плененных, об избавлении «от скорби, гнева и нужды». Заключительный призыв говорит о предании всей нашей жизни Христу Богу.

После этого – как ответ на молитву – звучит псалом 1-й: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... Яко весть Господь путь праведных и путь нечестивых погибнет». Византийские богословы (в частности, Симеон Солунский) усматривали в псалме указание на Христа как на образ истинной «праведности», а русские толкователи видели в этом моменте вечерни напоминание о Законе Ветхого Завета. Эти два понимания не исключают друг друга. Важно, что, произнося слова псалма и слушая его, верующие каждый раз вновь встают перед выбором пути. Еще в апостольское время проповедь, обращенная к людям, вступающим в Церковь, начиналась словами: «Есть два пути: один – жизни, и один – смерти; велико же различие между обоими путями»²³.

Прежде во время псалмопения люди обычно сидели, поэтому служащий, призывая всех встать для молитвы, говорил: «Паки и паки (еще и еще) миром Господу помолимся!» Этими словами начинается вторая, *малая ектения*, имеющая всего одно «прошение».

²¹ Архиеп. Вениамин (1738–1811), известный знаток церковных древностей, изложил свое толкование службы в книге «Новая Скрижаль». Впервые она была опубликована в 1803 г. и пользовалась широкой популярностью (вышло 18 ее изданий). Комментариям архиеп. Вениамина следовали все другие литургисты до тех пор, пока не наступила новая фаза в развитии исторической литургики.

²² Греч. слово «ектения» означает «прошение».

²³ Учение XII апостолов, I.

За малой ектенией следуют слова из псалма 140-го. Они выражают тоску человека о Боге, желание служить Ему от всего сердца. Вместо даров на алтаре он приносит Господу свое молитвенное воздыхание.

Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...
Вонми гласу моления моего...
Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою,
Воздеяние руку моею – жертва вечерняя.

Вновь совершается каждение всей церкви и поются *стихиры*, гимны, относящиеся к празднику или святому данного дня. Стихиры в субботу завершает *догматик*, посвященный тайне явления в мир Богочеловека.

Во время пения догматика начинается обряд *входа*, который пришел к нам из Иерусалима и связан с обычаями, существовавшими при храме Гроба Господня. Богомольцы собирались в церковь задолго до начала службы и пели псалмы, гимны и молитвы. Епископ же приходил позже и в торжественной процессии вступал под своды храма. Нечто подобное этому порядку осталось и в нынешнем архиерейском служении. Когда вечерню совершает священник, он выходит северными дверями из алтаря. Перед ним несут свечу (в память о вечернем возжигании светильника), и он становится напротив царских врат. Как только смолкает догматик, диакон возглашает: «Премудрость, прости!»²⁴ – и священнослужитель, благословив молящихся, направляется в алтарь.

В этот момент поют «вечернюю песнь» – один из древнейших христианских гимнов. Он сохранился от эпохи гонений.

Свете тихий
Святыя славы,
Безсмертнаго Отца Небеснаго,
Святаго Блаженнаго,
Иисусе Христе!
Пришедше на запад солнца,
Видевше свет вечерний,
Поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога.
Достоин еси
Во вся времена
Пет быти гласы преподобными,
Сыне Божий,
Живот давай,
Темже мир Тя славит.

Пока звучит «вечерняя песнь», священник молится, стоя к востоку от престола, рядом с горним местом, где находится «седалище» епископа. Потом следует чтение из Ветхого Завета (*паремии*), которое предваряют стихом из Псалтири (*прокимном*, то есть «предварителем»). В наше время паремии читаются только под большие праздники, но прокимен после «входа» произносится всегда. Вечерних прокимнов семь – на каждый день недели.

После прокимна и ектений поется вторая песнь древней Церкви: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам...» и следует четвертая ектения.

²⁴ «Стойте прямо!» – призыв ко вниманию.

Накануне больших праздников за ней идет *лития* (от греч. «литё» – усердная молитва), обряд, унаследованный от монастырей Палестины и Афона. В древности он состоял из процессии к святыням обители, замененной позднее выходом в притвор (сейчас – в западную часть храма). У святынь молились за живых и усопших, и затем совершалась братская трапеза, перед началом которой освящались хлеб, вино и елей. В современной литии сохранилось только это освящение. Оно напоминает о том, что земная пища посылается нам Подателем жизни, что даже такой обыденный акт, как подкрепление сил пищей, должен происходить перед лицом Божиим.

Предстоятель произносит молитву:

Господи Иисусе Христе, Боже наш,
благословивый пять хлебов и пять тысяч насытивый,
Сам благослови и хлебы сия, пшеницу, вино и елей;
и умножи сия во граде сем и во всем мире Твоем;
и вкушающих от них верныя освяти.
Яко Ты еси благословляяй и освящай всяческая,
Христе Боже наш,
и Тебе славу воссылаем
со безначальным Твоим Отцем,
и всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом
ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Завершается вечерня стихирами и гимном праведного Симеона, того старца, который, взяв на руки Младенца, сказал:

Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко,
по слову Твоему, с миром;
ибо видели очи мои спасение Твое,
которое Ты уготовал перед лицом всех народов,
свет к просвещению язычников
и славу народа Твоего Израиля

(Лк 2,29–32).

Это было одно из песнопений первохристианской церкви Иерусалима, и более того, как думают некоторые исследователи, оно сложилось еще накануне Рождества Христова в среде людей, веривших в скорый приход Мессии²⁵. «Ныне отпускаеши» как бы итог ветхозаветной Истории Спасения и благодарственная хвала грядущему Господу.

²⁵ См.: J. Galot. Marie dans l'Evangile. Paris, 1958, p. 37.

Утренняя

Как мы уже говорили, в праздники Рождества и Пасхи, а в некоторых монастырях и в иные дни вечерня смыкалась с молитвами, которые продолжались до утра. Хотя такие *всенощные* богослужения теперь редки, вечерня, соединенная с *утреней*, сохранила название «всенощного бдения».

В начале утрени звучит вифлеемское благовестие:

Слава в вышних Богу,
и на земли мир,
в человецех благоволение

(Лк 2,14).

В храме гасятся светильники, чтобы полумрак способствовал молитвенной сосредоточенности. Начинается чтение шести псалмов (*Шестопсалмие*), обычай, заимствованный из иудейской практики евангельских времен.

Первый псалом (3-й) – это вопль души, истерзанной скорбями, которая только в Небесном Отце видит свое упование; во втором псалме (37-м) человек исповедует перед Богом свою греховную немощь; третий псалом (62-й) – голос мистической жажды; четвертый (87-й) – песнь муки и надежды; пятый (102-й) – гимн благодарения; шестой (142-й) выражает торжество над злом.

Как и вечерня, утренняя начинается великой ектенией, которую предваряет Шестопсалмие. После нее звучит пение: «Бог Господь и явился (то есть явился) нам; благословен Грядый во имя Господне», а затем читаются *кафизмы*, отрывки из псалмов, которые полагалось слушать сидя.

На всенощной после кафизм следует торжественное прославление любви и милосердия Божия, *полиелей*. Полиелей начинается песнопением, составленным из стихов Псалтири («Хвалите имя Господне...»). После каждения всего храма поется «величание» святому или празднику и читается Евангелие, а затем присутствующие подходят приложиться к праздничной иконе и Евангелию. В память о братских трапезах первых христиан, которые сопровождалось помазанием благовонным маслом, епископ (или священник) начертывает елеем знак креста на челе подходящих к иконе праздника.

Пока люди прикладываются, хор поет *канон утрени*. Слово «канон» означает правило. В древности канонами назывались тексты, собранные в определенном порядке, который освящен традицией.

Канон утрени состоит из девяти «песней». Каждая из них сложена по образцу какого-нибудь библейского гимна. В соответствии с праздниками и временем церковного года текст и мелодия меняются. Неизменными остаются только темы из Священного Писания:

1. Песнь Моисея после избавления от всадников фараона (Исх 15).
2. Обличительная песнь Моисея (Исх 32). Вторая песнь в каноне обычно опускается (кроме времени поста).
3. Песнь Анны, матери пророка Самуила (1 Цар 2).
4. Гимн пророка Аввакума, предвосхищающий приход Бога-Избавителя (Авв 3).
5. Пророчество Исаии о рождении Эммануила (Ис 7).
6. Молитва «из бездны», включенная в Кн. Ионы (Ион 2). 7 и 8. Гимн отроков, исповедующих перед язычниками свою веру (Дан 3).
9. Благодарственная песнь Захарии, отца Иоанна Крестителя (Лк 1).

В некоторых случаях тема варьируется настолько свободно, что неискушенному слушателю трудно уловить ее каноническую библейскую основу. Привести здесь все вариации невоз-

можно, но вот несколько характерных примеров. Первая песнь, перекликающаяся с темой Исхода, в заупокойной всенощной начинается словами: «Яко по суху, пешешествовав Израиль по бездне стопами...», а в дни, посвященные кресту Христову: «Крест начерта Моисей, впрямо жезлом море Чермное пресече, Израилю пешеходящу...» Начало песни отроков еврейских в заупокойной службе: «Из пламене преподобным росу источил еси...»; в рождественской: «Отроцы благочестию совоспитани, злочестиваго веления небрегше...»; в каноне к причащению эта песнь звучит так: «В пещь огненную ко отроком еврейским снизшедшаго, и пламень в росу преложшаго Бога, пойте дела яко Господа и превозносите во вся веки».

Перед девятой песнью канона звучит «Песнь Богородицы» (лат. «Магнификат»). Она соткана из ветхозаветных псалмов и прославляет Бога, Который «низложил сильных с престолов, вознеся смиренных» (Лк 1,46–55). Каждую строфу сопровождает рефрен «Честнейшую Херувим...», как бы отвечающий на предвидение Девы Марии: «Отныне ублажат Мя вси роды».

* * *

Всенощная заканчивалась с утренней зарей. Уже рассеивался ночной мрак, когда предстоятель восклицал: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Известно, что эта молитва на восходе солнца существовала в самом начале II века. О ней упоминает губернатор Вифании в своем рапорте императору Траяну.

Невольно представляешь себе окраины античного города, стены, старые памятники, выступающие в предрассветном сумраке, и толпу христиан, которые ждут восхода. Но вот над крышами домов и соснами вспыхивают первые лучи...

Не так ли явился в мир и Он, сказавший о Себе: «Я Свет миру»?

СЛАВА ТЕБЕ, ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ!

И доныне звучит в храмах песнь первых христиан: «Слава в вышних Богу...» Это – *великое славословие*, которое можно назвать жемчужиной всего чина утрени.

Завершается утренья двумя ектениями и благословением народа.

Спасский собор Андроникова монастыря. XV в.

Романская церковь (XI в.)

Готический собор (интерьер – XIII в.)

Собор св. Петра в Риме (XVI в.)

Фатимский собор (XX в.)

Глава III

Литургия

Если вечерня и утренья не более чем общая молитва, сопровождаемая пением и чтением, то *Литургия* (обедня) – это кульминация всего, что совершается в храме. Центральный момент ее составляет *таинство Евхаристии*, или Благодарения.

Христианство, открытое всем, чуждое всякого эзотеризма, для Евхаристии делает исключение. С самого начала к ней допускались только члены Церкви.

Евхаристию называют «бескровной жертвой». Это определение можно понять, только вникнув в смысл, идею жертвы как таковой.

Жертвенные обряды появились вместе с религией. Отказываясь от какой-то части плодов своего труда, принося их в дар божеству, человек тем самым исповедовал свою зависимость от него. Однако нельзя упускать из вида другое, более глубокое значение этих обрядов. В большинстве религий они были органической частью *священной трапезы*, которая связывала собравшихся между собой. Некая доля пищи предназначалась божеству в знак того, что оно как бы вошло незримо в круг пирующих. Кровь жертвенного животного закрепляла кровнородственные узы участников ритуала (даже если они в действительности не состояли в родстве). И одновременно считалось, что человек, окропленный этой кровью, «породняется» с божественным покровителем племени или народа²⁶. Иными словами, жертва символизировала духовное единение людей и жажду восстановить утраченную связь с Высшим.

Именно поэтому в древнем Израиле заключение Союза, или Завета, сопровождалось подобными ритуалами. Закладывая фундамент Ветхозаветной Церкви, Моисей дал ей знамение общности – кровь пасхального агнца. В Иерусалимском Храме жертвоприношение сохранило характер культового пиршества. Оно – как и обряд Пасхи – имело два аспекта: утверждение целостности народа Божия и веру в пребывание с ним Господа.

В предновозаветную эпоху молитвенные трапезы вне Храма стали одним из важнейших обычаев иудейства²⁷. Они сопровождались чтением Библии и беседами о вере. Главной частью

²⁶ См.: J. N. Schofield. *Introducing Old Testament Theology*. London, 1964, p. 13.

²⁷ См.: П. Смирнов. Агапы, или вечера любви в древнехристианском мире. Серг. Пос. 1906, с. 186 сл.; Л. Буйе. О Библии и Евангелии, с. 223. Подобная трапеза легла в основу евхаристических обрядов. По вопросу о том, была ли Тайная Вечеря

ритуала было благословение хлеба и вина, а также *благодарственная* молитва, в которой *вспоминались* благодеяния Божии, явленные в Священной истории²⁸. Нередко трапезы принимали ярко выраженную мессианскую окраску. Собравшиеся за столом молились о наступлении тех дней, когда Божие присутствие в мире будет явным и окончательным, когда с приходом Мессии-Избавителя Бог заключит с людьми Новый Завет.

* * *

Пророк Иеремия (31, 32) предсказывал, что установление Нового Завета будет непохоже на начало Ветхого; и в самом деле мы видим две разительно отличающиеся картины. Там – грозные уступы Синая и толпы народа, которые не дерзают приблизиться к подножию горы; здесь – полутемная горница и Учитель в окружении Двенадцати. Там – раскаты грома и трубные звуки; здесь – тихий голос Назарянина, произносящего таинственные слова. У Синая – лишь надежда, обетование, прообраз (сам Моисей не в силах созерцать Славу Господню); на Вечери же Мессия делит трапезу с теми, кто возлюбил Его, и говорит им: «Видевший Меня – видел Отца».

Знаменательно, что на древних иконах «Троицы» (в том числе и св. Андрея Рублева) главная тайна христианской веры изображена в виде трапезы Трех, соединенных любовью. Из всех обычаев религии Завета Христос избрал именно сакральную трапезу, чтобы сделать ее основополагающей мистерией Церкви. Она призвана включить верных в незримый круг любви и соединить с Ним – Господом и Учителем...

Таково происхождение Евхаристии.

Как мы говорили, Литургия пришла к нам непосредственно из евангельских времен. Она переносит нас в ту ночь, когда Господь в последний раз перед смертью беседовал с учениками.

Во всем следуя порядку, установленному на братских вечерах, Иисус пел псалмы, произносил благодарственные молитвы над пищей, но уже не пасхальный агнец знаменовал Завет, а Он Сам – Мессия, Богочеловек. В Нем совершалось примирение людей с их Создателем.

Встревоженные и смущенные, смотрели апостолы на Христа, когда в конце трапезы Он взял в руки традиционную «чашу благодарения» и к обычным словам добавил: «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови»; когда, разламывая пасхальный опреснок, Он назвал его Своим Телом.

Так жертвы всех веков нашли исполнение и завершение в сионской горнице, так тоска о близости к Богу утोलилась Благодарением Христовым, Его евхаристической жертвой-трапезой.

Сына Человеческого ждала Голгофа. Ее предрекали слова о Крови, которая будет пролита, о Плоти, которая пройдет через смерть. Но страдания Христовы не просто гибель Праведника, мука Его души и тела, а непостижимое отождествление Святого с падшим человечеством. Свет нисходит во тьму. В лице Иисуса Бог «берет на Себя грехи мира».

Никакие слова не могут вместить эту тайну. Одно лишь постигается верой: в миротворении проявилась любовь Божия, и она же действует в Страстях «нашего ради спасения».

пасхальной, библеисты не пришли к единому мнению. Первые три Евангелия, как кажется, связывают Евхаристию с Пасхой (Мф 26, 17 говорит о первом дне опресночном, а Мк 14, 12 и Лк 22, 7 указывают на время, когда надлежало заколоть пасхального агнца). Однако, согласно четвертому Евангелию (13, 1; 19, 14), Тайная Вечеря происходила *накануне* Пасхи, т. е. 13-го нисана. Эта дата, вероятно, более точная (косвенным ее подтверждением служит сам факт суда Синедриона, заседание которого было бы немислимо в день «седера», пасхальной вечера). Следовательно, Евхаристия как Пасха Нового Завета была совершена на вечери, *предварявшей* иудейскую Пасху. Указания трех первых евангелистов можно объяснить тем, что из-за большого стечения людей агнцев начинали заколоть еще накануне праздника. Тем не менее 13-го числа в иудейских домах все было уже готово к празднику (принесены опресноки и пр.). Поэтому Тайная Вечеря имела *пасхальный характер*, не являясь, быть может, в строгом смысле слова «седером». Знаменательно, что во всех евангельских рассказах о Вечере и в Литургии можно распознать отзвуки ветхозаветных пасхальных обрядов. См.: Н. Д. Успенский. Анафора, с. 45 сл.

²⁸ Хлеб и вино как символы братского союза упомянуты еще в библейском рассказе об Аврааме (Быт 14, 18).

Став одним из нас, приблизившись к нам, Богочеловек погружается в трагическое земное бытие, в мир, где властвует зло. Воплощение неизбежно ведет ко Кресту. Новый Завет скрепляется Кровью Мессии.

То, что произошло на Лобном месте и в саду Иосифа Аримафейского, не изменило видимого порядка вещей, но в сокровенной глубине сущего совершило великий перелом. Галилейский Наставник, в Котором обитает божественное Слово, «Первенец из мертвых» приносит Царство Божие на землю. В него могут войти все, кто свободно принял Христа, кто нашел в Нем Путь, Истину и Жизнь.

Вечеря Сына Божия становится мистической трапезой единения Церкви. Сам Господь заповедал «творить» ее в память о Нем. Приступая к Чаше, последователи Христа, как говорит апостол Павел, возвещают смерть Спасителя. Это не обычное воспоминание о минувших событиях. Всякий раз таинство знаменует подлинное пребывание Богочеловека в Его Церкви.

Хлеб и вино! Простая человеческая пища – то, чем мы поддерживаем жизнь... Но в Евхаристии они – Жертва Завета, через которую Христос снова воплощается среди нас. С тех пор непрестанно священная Чаша вознесена над миром: в древних катакомбах и средневековых соборах, в центре огромного города и в лагере смерти, во тьме полярной ночи и в сердце пустыни. Благодатная сила таинства как бы объемлет нашу планету, следуя вместе с солнцем от востока до запада. Земля совершает свой бег, но нет ни одного часа, когда бы Евхаристия не возвещала о радости Искупления...

«Мы должны понять, – говорит протопресвитер Николай Афанасьев, – что в Церкви нет священнодействий, которые совершаются сами по себе или над отдельными членами вне остальных членов, но что всегда и везде священнодействует Церковь как собрание верующих»²⁹. Это в первую очередь относится к Литургии. Недаром само слово «литургия» означает «общее дело». Такие выражения, как «отстоять» или «прослушать» обедню, свидетельствуют об утрате христианским сознанием изначального смысла Евхаристии.

Даже если человек, находясь в храме, не причащается, он может глубоко пережить таинство, духовно, внутренне соучаствовать в нем. Но для этого важно знать его истоки, символику и строй, тем более что часть важнейших молитв стоящие в храме не слышат, а одних «возгласов» священника недостаточно, чтобы понимать смысл происходящего³⁰.

* * *

Хотя детали евхаристического обряда на протяжении веков менялись, но сущность таинства и его библейская первооснова всегда оставались неизменными.

Евангелист Лука пишет, что первые иерусалимские христиане «каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян 2,46–47). Было бы ошибкой считать, что это «хлебопреломление» просто дружеский обед. Евангелист безусловно имеет в виду Евхаристию, которая строилась именно так, как проходила Тайная Вечеря. Новым же было «воспоминание» о Господе, завещанное Им Самим («Сие творите в Мое воспоминание»; Лк 22,19; 1 Кор 11,24).

Из слов св. Луки можно заключить, что верующие собирались для священнодействия ежедневно. Но уже в следующем поколении, в связи с ростом численности христиан, Евхаристию стали совершать преимущественно по воскресеньям. Во II веке св. Иустин писал:

²⁹ Прот. Н. Афанасьев. Трапеза Господня. Париж, 1952, с. 89.

³⁰ См. ниже раздел «Литургия верных. Анафора».

«В так называемый день Солнца бывает у нас собрание в одном месте всех живущих по городам и селам; и читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова дает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончим молитву, тогда, как я выше сказал, приносится хлеб и вино, и вода; и предстоятель также воссылает *молитвы и благодарения*, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом “аминь”, и бывает раздаяние каждому и приобщение Даров, над коими совершалось Благодарение, а к небывшим они посылаются через диаконов»³¹.

Ранние литургические молитвы были заимствованы из синагогального наследия, но благодарственное «вспоминание» в них относилось уже не к истории Ветхого Завета, а к искупительному служению Христа. Славословие *анафоры* (возношения) вначале было, как видно из св. Иустина, импровизированным. Но очень скоро оно приняло форму устойчивой традиции. В некоторых церквях анафора осталась краткой, вроде той, что находится в «Учении Двенадцати апостолов» (около 100 года).

«Благодарим тебя, Отче наш, за святую лозу Давида, Отрока Твоего, которую Ты явил нам через Иисуса, Отрока Твоего. Тебе слава во веки!.. Благодарим Тебя, Отче наш, за жизнь и ведение, которое Ты открыл нам через Иисуса, Сына Твоего. Тебе слава во веки! Как этот преломляемый Хлеб, быв рассеян по холмам и будучи собран, сделался единым, так да соберется Церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое. Ибо Твоя есть слава и сила через Иисуса Христа во веки»³².

К III столетию почти каждая большая община выработала собственный канон Литургии³³. Одно то, что в Новом Завете слова Господа на Вечери дошли до нас в четырех вариантах, доказывает наличие независимых традиций. Существовали литургические каноны Палестины, Сирии, Малой Азии, Египта, Рима, Галлии. Порой в пределах одной церкви было принято несколько видов Литургий. Например, в Риме наряду с чином св. Ипполита (III век) сохранилась и анафора первых христиан из иудеев (она легла в основание римской мессы). Все эти варианты роднило наличие в них «молитв возношения». Но сходство не означает тождества. Местные анафоры звучали по-разному (удерживался лишь общий для всех смысл).

В IV веке св. *Василий Великий* из десятков канонов выбрал сложившийся у него на родине – в Каппадокии. На его основе он создал последование, которое и сейчас носит имя святого. Немного позднее св. *Иоанн Златоуст* произвел редакцию сирийской анафоры³⁴. Эти два канона (с некоторыми дополнениями) являются сегодня общеупотребительными в Русской Православной Церкви (хотя изредка служится и Литургия св. Иакова, а для православных, живущих на Западе, допущен римский чин).

Поскольку Литургия Василия Великого совершается у нас всего несколько раз в году, мы будем в дальнейшем рассматривать только Литургию Иоанна Златоуста³⁵.

³¹ Св. *Иустин*. I Апология, 67.

³² Учение XII апостолов, IX.

³³ Ранние Литургии описаны не только в «Учении XII апостолов» и у св. Иустина, но и в «Апостольском Предании» св. Ипполита (III в.), в «Апостольских Постановлениях» (IV в.) и в «Завещании Господа» (IV в.). Существовали Литургии апостолов Иакова, Фаддея и Марка, Литургии св. Амвросия, Серапиона Тмуитского, Литургии римская, эфиопская, армянская, галликанская и др.

³⁴ *Н. Д. Успенский*. Анафора, с. 82. В Византии с XI – XII вв. эти две Литургии получили приоритет в связи с борьбой за церковное единство Востока.

³⁵ Коснемся мы и Литургии преждеосвященных Даров, но она принципиально отличается от других чинов Литургии, так

Проскомидия

В первом поколении христиан Евхаристия была сакраментальным актом, *завершавшим* «агапу» – братскую «вечерю любви». Основание для этого находили в порядке самой Тайной Вечери, ибо Господь произнес слова Благодарения в *конце* трапезы.

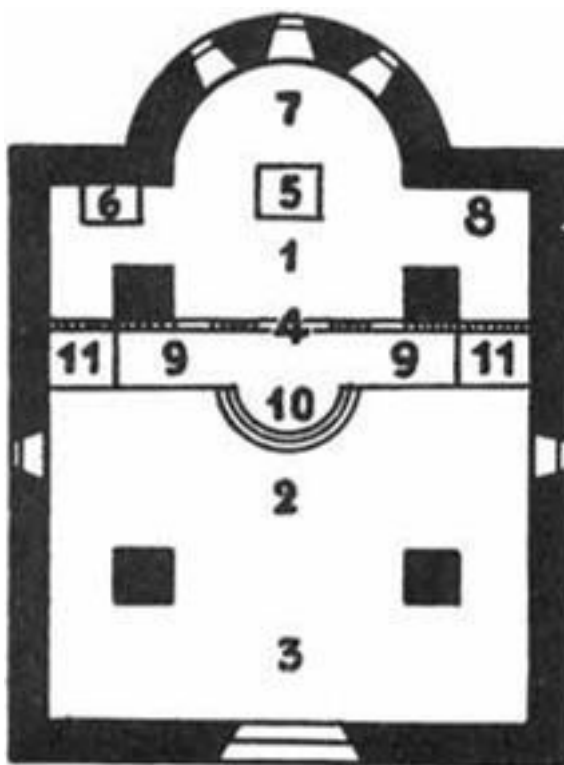
Впрочем, уже апостол Павел стал замечать, что во время еды благоговение невольно нарушалось. В результате Евхаристия была обособлена от агап, а потом агапы упразднили совсем. Но прежде их поменяли местами, то есть трапезы стали начинаться с таинства³⁶. Еще позднее утвердился благочестивый обычай приступать к Чаше до приема пищи, чтобы подготовить себя воздержанием.

Отголоски агап мы находим в *проскомидии*, обряде приготовления к Литургии.

Во время чтения часов священник произносит перед царскими вратами молитвы и, войдя северной дверью в алтарь, полностью облачается. Затем по обычаю, пришедшему еще из Ветхого Завета, он оmyвает руки³⁷.

В древней Церкви приношения для агапы и Литургии (хлеб и вино) ставились на особом столе, получившем потом название жертвенника. Он находился в храме, в особом помещении вблизи от входа, а в Средние века его перенесли в левую часть алтарного пространства.

Пресвитеры, принимавшие приношение (греч. *просфора*), молились за жертвователей и их близких, живых и умерших. В наши дни просфорами называют небольшие круглые хлеба с изображением креста и надписью: ИС ХС НИКА (Иисус Христос побеждает). Пять из них идут для Евхаристии, а из остальных, поданных молящимися, вынимают частицы, читая при этом имена по запискам, которые были принесены в алтарь вместе с просфорами.

³⁶ См.: П. Соколов. Агапы, с. 55–56.

³⁷ Епископ делает это во время «Херувимской песни».

1. Алтарь. 2. Средняя часть храма. 3. Притвор. 4. Иконостас. 5. Престол. 6. Жертвенник. 7. Горнее место. 8. Ризница. 9. Солея. 10. Амвон. 11. Клиросы

Престол. За престолом стоит семисвечник

Просфоры

Размещение частиц на дискосе

Дароносица

Антиминс

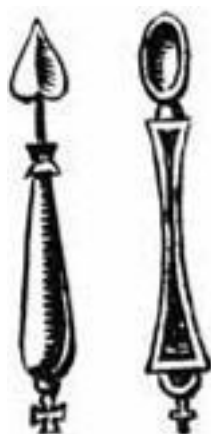
Дарохранильница

Св. Потир (Чаши)

Напрестольное Евангелие

Копие и ложка

Дискос

Покровец

Звездица

Большая просфора предназначена для *Агнца*, то есть евхаристического хлеба. С древности, выпекая его, следовали двум традициям. Общины в Риме, памятуя о том, что Господь на Тайной Вечери употребил опреснок, служили Евхаристию на пресном хлебе³⁸. Восточные же христиане не сочли возможным нарушить ветхозаветное правило, которое допускало опресноки только для пасхальных дней. Поэтому в Сирии, Греции и других странах Евхаристию стали совершать на квасном хлебе (арам. *хамец*, греч. *артос*). Это различие существует и в наши дни, но догматического значения оно не имеет.

Особым ножом, сделанным в виде копья, священник вырезает из просфоры прямоугольную часть (Агнца), произнося при этом слова пророка Исаии об Избраннике Божиим, Который «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен» (гл. 53, 7). Вырезанная часть полагается на блюдо, именуемое *дискосом* (память о пасхальном блюде Вечери Христовой). Красное вино, смешанное по ветхозаветному уставу с водой, вливается в *потир* (Чашу).

Из оставшихся четырех просфор вынимаются частицы в честь и память Девы Марии (Богородичная просфора), в память святых – Крестителя, пророков, апостолов, мучеников, святителей, подвижников (девятичастная просфора), а также в молитвенное поминовение живых и усопших. Все эти частицы кладутся рядом с Агнцем на дискос как бы в знак того,

³⁸ Как указано в Евангелии от Иоанна, Тайная Вечеря совершалась на день раньше иудейской Пасхи. Поэтому квасной хлеб уже не мог оставаться в доме. Обычай требовал уничтожить его еще накануне.

что все человечество во главе с Девой Марией и величайшими своими сынами участвует в священной Жертве.

Потир и дискос покрываются *воздухами* – тремя платами из вышитой материи или парчи. Для того чтобы они не касались Агнца, над ним ставится *звездица* – два металлических полукружия, расположенные крест-накрест. В центре их пересечения обычно изображен какой-нибудь христианский символ: голубь, око или шестиконечная звезда.

После того как потир и дискос покрыты воздухами, служащий совершает каждение. Этот обычай также был принят на молитвенных трапезах иудеев в евангельские времена.

Все эти подробности (омовение рук, каждение и пр.) немаловажны, ибо тесно связаны с ритуалом Тайной Вечери. «Священник, – замечает Л. Буйе, – делает вновь то самое, что делал Христос, не только в те краткие минуты, когда он повторяет слова пресуществления; он это делает от начала Литургии и до конца»³⁹.

³⁹ Л. Буйе. О Библии и Евангелии, с. 230; Н. Д. Успенский. Анафора, с. 42 сл.

Литургия оглашенных (вступительная часть Литургии)

Св. Иустин Мученик писал о Евхаристии: «Эта трапеза у нас называется Благодарением, и никому не позволено участвовать в ней, кроме тех, кто верует в истину учения нашего и омылся крещением во оставление грехов и возрождение и живет так, как заповедал Христос»⁴⁰. Люди некрещенные или готовящиеся к принятию крещения допускались только к вводной части Литургии, предваряющей само таинство. Отсюда ее название – «Литургия оглашенных», то есть тех, кто проходит подготовку к вступлению в Церковь («оглашение» – греч. «катехизация»).

* * *

Во дни земной жизни Христа большинство молитв начинали, благословляя имя Божие (нередко молитвы назывались просто «благословениями»). Точно так же и Литургия открывается возгласом священника: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков». По возгласе следует «Великая ектения», а затем антифонно, то есть на два хора, поют благодарственные псалмы, разделяя их малой ектенией.

Благослови, душе моя, Господа.
Благословен еси, Господи.
Благослови, душе моя,
Господа, и вся внутренняя моя
Имя святое Его.
Благослови, душе моя,
Господа и не забывай всех воздаяний Его...

Пс 102

Хвали, душе моя, Господа.
Восхваляю Господа в животе моем;
пою Богу моему, дондеже есмь...

Пс 145

Благодарственная молитва – самая прекрасная и чистая. Она не ищет своего, не просит, а переполнена радостным сознанием милосердия Божия, излитого на человека. За все: за глаза, которые видят солнце и красоту мира; за уши, которые слышат гармонию звуков и Слово Божие; за разум, постигающий тайны; за сердце, способное любить, – за все это благодарит человек. Мы слишком часто сосредоточены на темных сторонах жизни и забываем о том добром, что дано нам в этом мире; и слова библейских антифонов напоминают нам о благодарности Отцу.

Третьему антифону предшествует гимн «Единородный Сыне», сложенный в VI веке, в эпоху последних Вселенских Соборов, утвердивших тайну двуединой природы Христа как Богочеловека. Сам же антифон состоит из «обетований блаженств» (Мф 5,3-12), которые обещают вход в Царство Божие всем, кто презрел гордыню мира, его вражду, неправду, нечистоту.

⁴⁰ Св. Иустин. I Апология, 66.

Этими обетованиями начинается Нагорная проповедь Спасителя, обращенная к нищим духом, алчущим правды, чистым сердцем, миротворцам, гонимым за истину... Христос называет их «блаженными», то есть обретшими высшую радость, высшее счастье.

При пении третьего антифона открываются царские врата. В древности этому моменту соответствовало внесение Евангелия в алтарь, но поскольку в последние века оно уже постоянно находится на престоле, то «вход с Евангелием» совершается иначе. Его выносят через северные двери; на амвоне священник (или диакон), стоя лицом к востоку, возглашает: «Премудрость, прбсти!», то есть призывает сидящих подняться и приготовиться слушать чтение⁴¹. Когда Евангелие полагается на престоле, хор поет тропари храма и праздника.

* * *

Чтение Слова Божия – один из древнейших элементов христианского богослужения. Оно было обязательным еще на молитвенных собраниях в эпоху Ветхого Завета. В I веке «Писанием» для Церкви были только ветхозаветные книги. Но с начала II века к ним стали добавлять выдержки из «апостольских писаний». В настоящее время за Литургией читают только новозаветные тексты.

Сначала звучит отрывок из «Апостола», той части Библии, которая состоит из Деяний и Посланий. С V века в Византии чтение было принято предварять гимном: «Святый Боже...»

В воскресные и праздничные дни Евангелие читают на амвоне, а в будни – на престоле⁴². Речитативное (псалмодическое) чтение – обычай, как мы говорили, очень древний. Так читалось, или почти пелось, Писание еще в дохристианские времена. Вероятно, и само Евангелие возникло как книга, предназначенная для такого богослужебного чтения. В старину, по примеру ветхозаветных толкователей, священник говорил *проповедь* непосредственно вслед за чтением Евангелия, но в современной Русской Церкви проповедь, как правило, произносится в конце Литургии.

⁴¹ В древние времена на богослужебных собраниях было принято сидеть.

⁴² Апостол читает чтец, а Евангелие – диакон или священник.

Надкладезная часовня у источника прп. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре

После чтения Нового Завета следует ектения, содержащая призыв к молитве за Церковь, за предстоятеля, за живых и умерших. Обычно записки, прочитанные на проскомидии, читаются еще раз вслух.

Непривычному человеку это порой утомительное перечисление имен может показаться чем-то бессмысленным. Но надо помнить, что обилие записок связано с недостаточным количеством храмов. И кроме того, проскомидия совершается при закрытом алтаре, а люди хотят слышать чтение поданных ими записок.

Вместе с тем в этом множестве имен есть своя значительность. Молитва как бы включает в себя всю Церковь в ее духовном единстве и индивидуальном многообразии. Тот, кто

стоит в храме, может в этот момент вспомнить своих близких и тех людей, за которых некому молиться.

Затем при закрытых вратах начинается молитва об оглашенных. В некоторых Восточных церквях (например, в Греческой) ее опускают ввиду того, что большинство населения крещено с детства. Но у нас положение иное. Своего рода «оглашенные» (близкие к крещению или готовящиеся к нему) в нашей стране далеко не редкость. Патриарх Пимен в свое время справедливо заметил: «Если мы не можем их оглашать, то хотя бы молиться за них должны»⁴³. В это время уместно молиться за тех, в ком еще только начался поворот к вере.

После ектении об «оглашенных» раздается возглас, призывающий их покинуть храм⁴⁴. Экзотерическая, открытая для всех часть Литургии заканчивается.

⁴³ Речь идет об отсутствии специальных «огласительных школ» при храмах. Однако «оглашение», то есть наставление неофитов в вере, в какой-то степени может осуществляться приходскими священниками. Такое наставление взрослых завершается перед крещением обрядом «оглашения», чин которого содержится в Требнике.

⁴⁴ Если есть возможность, следует заранее разьяснять это некрещеным, которые присутствуют на службе.

Литургия верных. Анафора

В библейском откровении о Боге парадоксальным образом сочетаются две истины. С одной стороны – Сущий неисповедим и несоизмерим с человеком. Он «пребывает во свете неприступном», Его мысль непохожа на мысль смертного, природа Его – «опаляющий огонь». С другой стороны – Он близок к людям, которых возлюбил, и сопровождает верных в их скитаниях по земле. При Моисее символом этой близости был священный ковчег, украшенный фигурами крылатых существ – херувимов⁴⁵. О ней же напоминали огромные изваяния херувимов в Иерусалимском Храме. В видении пророка Иезекииля небесный ковчег, несомый херувимами, служил утешением «остатку» праведных, живших в изгнании. Бог не покинул их. Его колесница следует за ними в чужую языческую страну. После гибели Храма *Он Сам* становится «святилищем» для верных⁴⁶.

Эти библейские прообразы оживают в новозаветной Литургии. Как некогда херувимы влекли колесницу Божию, так и ныне Церковь, вознося на престол хлеб и вино Евхаристии, исповедует присутствие Христа на путях ее исторического странствия.

Открываются царские врата. Хор поет «Херувимскую песнь». В русском переводе она звучит так:

Таинственно изображая херувимов
и животворящей Троице
трисвятую песнь воспевая,
всякое ныне житейское
отложим попечение...

Под это пение служащие переносят потир и дискос с Предложением на престол, поминая предстоятеля Церкви, епископа, молящихся и всех христиан. Песнь оканчивается словами:

...дабы вознести Царя всех,
невидимо носимого ангельскими чинами⁴⁷.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Это торжественное начало «Литургии верных» (Великий вход) некоторые принимают за самый важный момент службы. Ошибка объясняется тем, что само таинство Евхаристии происходит при затворенных царских вратах, хотя и с открытой завесой⁴⁸.

⁴⁵ Херувимы – олицетворение тварных космических сил, служащих Богу. Ковчег как бы изображал престол (трон) Незримого.

⁴⁶ См.: Э. Светлов. Вестники Царства Божия. Брюссель, 1972, с. 274 сл. Имеется в виду V том шеститомника «В поисках пути, истины и жизни» А. Меня, изданный под псевдонимом Э.Светлов. (прим. ред.)

⁴⁷ Сонм ангелов невидимо сопровождает Сына Божия и поет ему хвалу; «дориносима» (церк. – слав.) – носима на копьях (во время триумфа римские войска высоко поднимали победителя на щите, носимом на копьях). Верующие присоединяются к ангелам, прославляющим Христа, Победителя греха и смерти, «грядущего на вольную страсть нашего ради спасения».

⁴⁸ Есть первые признаки того, что этот обычай, плохо согласующийся с самим духом Евхаристии, будет со временем упразднен. Например, некоторые русские епископы уже делают попытки отказаться от него и разрешают священникам открывать врата на время всей Литургии.

* * *

После Херувимской царские врата закрываются и произносятся ектения («Исполним⁴⁹ молитву нашу Господеви...»), и в знак того, что присутствуют только люди, принявшие крещение, все читают (или обычно поют) *Символ веры*. Перед тем в древности храм запирался, чтобы ничто не могло нарушить ход священнодействия (об этом напоминает возглас: «Двери, двери!»).

Наш «Символ» был написан только в IV веке. А какой употреблялся раньше? По-видимому, вначале он сводился к исповеданию новокрещаемого: «Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий» (Деян 8,37). Апостол Павел дает более развернутую формулу исповедания веры в Иисуса Христа, «Который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых» (Рим 1,3–4). В самом начале II века св. Игнатий Богоносец утверждает веру в «Иисуса Христа, Который произошел из рода Давидова от Марии, истинно родился, ел и пил, истинно был осужден при Понтии Пилате, истинно был распят и умер, в виду небесных, земных и преисподних, Который истинно воскрес из мертвых, так как Его воскресил Отец Его, Который подобным образом воскресит и нас, верующих в Иисуса Христа»⁵⁰.

Сто с лишним лет спустя св. Ипполит Римский так передает крещальный «Символ»:

Верую в Бога Отца Всемогущего.
Верую в Иисуса Христа, Сына Божия,
рожденного от Духа Святого и от Девы Марии,
распятого при Понтии Пилате, и умершего
и погребенного,
и воскресшего в третий день живым из мертвых,
и вознесшегося на небеса,
и пребывающего одесную Отца,
и паки грядущего судить живых и мертвых.
Верую в Духа Святого,
и во Святую Церковь, и в воскресение плоти⁵¹.

В 325 году на I Вселенском Соборе был принят «Символ», написанный Евсевием Кесарийским, а в 381 году он был дополнен на II Вселенском Соборе.

Содержания и смысла этого никео-царьградского «Символа веры» мы коснемся ниже⁵².

По свидетельству св. Иустина, христиане, приступая к таинству Благодарения, «приветствовали друг друга лобзанием». Этот обычай связан со словами Господа, повелевшего идти к жертвеннику, только примирившись с братом (Мф 5,23–24). Теперь из-за множества народа «целование мира» совершают священники в алтаре.

Ана́фора – сердце, ядро, вершина Литургии.

Читает ее священник, которому отвечает хор. Уже давно евхаристические молитвы принято произносить вполголоса. Поэтому анафора доходит до молящихся в урезанном виде: громко звучат лишь последние слова молитв, чтобы поющие знали, когда отвечать священнику. «Великая тайна, – говорит протопресвитер Н. Афанасьев, – совершается в алтаре, но

⁴⁹ «Исполним» значит завершим.

⁵⁰ Св. *Игнатий*. Письмо к траллийцам, IX.

⁵¹ Св. *Ипполит*. Апостольское Предание, XXI.

⁵² См. гл. VI.

верные в совершении ее не имеют участия»⁵³. Между тем Евхаристия есть служение *всех* предстоящих, которые творят бескровную жертву руками иерея.

До тех пор, пока невозможен возврат к древней практике, каждому верующему нужно знать молитвы анафоры или даже иметь их перед собой во время богослужения.

Возглас: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мире приносити!» (Будем достойно, с благоговейным трепетом и сосредоточенностью приносить в мире святое возношение) – напоминает нам о всеобщем *участии* в евхаристическом действе. В этот момент в храме должна установиться полная тишина.

Как то бывало на молитвенных вечерах библейских времен, предстоятель обращается к собравшимся, а от их лица ему отвечает хор...

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди со всеми вами!

– И со духом твоим.

– Горé имеем сердца! (Вознесем сердца свои ввысь!)

– Имамы ко Господу.

– БЛАГОДАРИМ ГОСПОДА!

Вот оно – *Благодарение*, Евхаристия... Хор поет: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней».

В это время священник в алтаре читает благодарственную молитву анафоры; в ней прославляется Творец, сокрытый в тайне, Который создал мир и человека, Который возводит верных в небесную славу. Все мироздание – видимый и невидимый космос – сливается в общей осанне: мириады светил, небо и земля, льды и бездны, цветы и все дышащее, человеческий род и сонмы духовных сил⁵⁴.

Достойно и праведно
воспевать, и благословлять,
славить, и благодарить,
и поклоняться Тебе;
владычество Твое – повсюду.
Ибо Ты еси Бог неизреченный,
невместимый, незримый,
непостижимый, неизменный и вечный,
Ты, и Единородный Твой Сын,
и Дух Твой Святой.
Ты из небытия вызвал к бытию нас
и отпадших вернул, не отверг,
но совершил все,
чтобы на небеса возвести нас,
и даровал нам Твое грядущее Царство.

⁵³ Н. Афанасьев. Трапеза Господня, с. 84. «Тайное» чтение молитв анафоры входило в церковную практику постепенно, начиная с IV в. Однако еще в VI в. этот обычай не был принят в качестве нормы. В 567 г. в Византии был даже издан указ, повелевающий иереям произносить слова анафоры «голосом, который был бы слышим верным народом» (цит. по сборн.: Живое Предание. Париж, 1937, с. 179). Видный ленинградский богослов прот. Ливерий Воронов отмечает, что правило читать молитвы Евхаристии вполголоса или про себя было связано с «понижением уровня духовной жизни». Пока же эта практика сохраняется, о. Ливерий рекомендует священникам произносить слова анафоры «вслух всех благоговейно присутствующих и молящихся в алтаре, а также раскрывать перед своей паствой, посредством проповеди, духовную красоту и богатство свято-отеческого литургического богомыслия, воплощенного в словах евхаристических молитв» (прот. Л. Воронов. К вопросу о так называемом «тайном» чтении священнослужителем евхаристических молитв во время божественной Литургии. – Богословские Труды. Сб. 5. М., 1968, с. 178).

⁵⁴ Ниже основной текст анафоры дается в русском переводе с греческого; «возгласы» – курсивом, слова хора – прописными буквами (и то и другое – по-славянски).

За все сие благодарим Тебя,
и Единородного Сына Твоего,
и Святого Духа Твоего:
за все, что мы ведаем и не ведаем,
за явные и неявные благодеяния Твои,
бывшие нам.
Благодарим Тебя и за Литургию сию,
которую Ты благоволил принять из рук наших,
хотя и предстоят Тебе тысячи архангелов,
и мириады ангелов,
херувимы и серафимы
шестикрылые, многоокие,
воспаряющие, окрыленные,
победную песнь
поюще, вопиюще,
взывающе и глаголюще...
СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ ГОСПОДЬ САВАОФ!
ИСПОЛНЬ НЕБО И ЗЕМЛЯ СЛАВЫ ТВОЕЯ,
ОСАННА В ВЫШНИХ,
БЛАГОСЛОВЕН ГРЯДЫЙ ВО ИМЯ ГОСПОДНЕ!
ОСАННА В ВЫШНИХ!

Гимн «Свят, Свят...», взятый из видения пророка Исаии (гл. 6), звучал уже в общих молитвах ветхозаветной Церкви. Внимая ему, мы, стоящие сегодня в храме, как бы включаемся в торжество Вселенной, слышим голоса нездешних сил, слышим биение сердца всей твари, которая нескончаемым потоком несется к подножию Безмерного и Неизреченного...

Между тем священник продолжает славословие, вспоминая о спасении, пришедшем от Троицкого Бога через Иисуса Христа.

С сими блаженными силами
и мы, Владыко Человеколюбче,
восклищем и говорим:
Свят и пресвят еси Ты,
и Единородный Твой Сын,
и Дух Твой Святой.
Свят еси и пресвят,
и величия исполнена слава Твоя.
Ты так возлюбил Свой мир,
что Сына Своего Единородного отдал,
дабы всякий верующий в Него не погиб,
но имел жизнь вечную.
Он пришел
и, все устроение о нас исполнив,
в ночь, когда был предан
(вернее, Сам Себя предал ради жизни мира),
взявши хлеб
во святые Свои и пречистые и непорочные руки,
возблагодарив, благословив,
освятив, преломив,

дав святым Своим ученикам и апостолам, сказал:

*приимите, ядите,
сие есть Тело Мое,
еже за вы ломимое
во оставление грехов.*

АМИНЬ.

Также и чашу после вечери (взял), говоря:

*пийте от нея вси,
сия есть Кровь Моя
Новаго Завета,
яже за вы и за многия
изливаемая
во оставление грехов.*

АМИНЬ.

Вспоминая спасительную сию заповедь⁵⁵

и все, ради нас бывшее:
крест, гроб, тридневное воскресение,
на небеса восхождение
и одесную пребывание,
второе и славное Твое пришествие,
*Твоя от Твоих
Тебе приносяще
о всех и за вся.*

Мы – на Тайной Вечери, и в том доме, где под покровом ночи совершилось заключение Нового Завета. Сам Иисус стоит в этот миг перед престолом.

Священник поднимает потир и дискос. Сверкает Чаша над красным платом. «Твоя от Твоих...»

Плоть мира, труд мира, радость мира. Тяжелые грозди винограда под бледным небом, золотистое море пшеницы. Тайна бытия, тайна жизни. И во всем этом Бог...

Воздев руки, молится священник о ниспослании Духа на Церковь и на священную ее Трапезу.

Приносим Тебе
сию словесную и бескровную службу
и просим, молим и взываем:
Ниспосли Духа Твоего Святого на нас
и на предлежащие дары сия.
Господи! Пресвятого Твоего Духа
в третий час апостолам Твоим ниспославший,
не отними Его от нас, Благий,
но обнови нас, молящихся Тебе...

Он крестообразно осеняет дискос со словами: «Сотвори хлеб сей честным Телом Христа Твоего, аминь» – и потир, говоря: «А то, что в чаше сей, – честною Кровию Христа Твоего, аминь», а потом – всю Трапезу: «Преложив Духом Твоим Святым, аминь, аминь, аминь!»

⁵⁵ «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22,19).

Таинство свершилось. Уже не просто хлеб и вино на престоле, они – мистические Кровь и Плоть Богочеловека, пришедшего в мир. Алтарь храма становится одновременно и сионской горницей, и Голгофой...

Священник склоняется перед знаком реального присутствия Христова, перед «небесным Хлебом», питающим Церковь, – Святыми Дарами и молится,

чтобы причастники обрели в Них
трезвение души,
оставление грехов,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.